

Митлянский Даниэль
(80 лет 5 месяцев)

8.12.99

ДАНИЭЛЬ МИТЛЯНСКИЙ:

Главным в жизни моего поколения была война

Известному скульптору, заслуженному художнику России, члену-корреспонденту Российской академии художеств Даниэлю МИТЛЯНСКОМУ — 80 лет. Он окончил московскую среднюю школу № 110 за пять дней до начала войны. Вскоре был призван в действующую армию и отправлен на фронт. Только после окончания войны, уже в 1950 году, он окончил Московский художественный институт имени В.И.Сурикова. Обучался на скульптурном факультете в классе Николая Томского. Но своими учителями считает Владимира Домогацкого и Сарру Лебедеву.

— Ваше творчество разнообразно — портреты, жанровые сцены, аллегорические композиции, монументальные памятники и камерные станковые скульптуры. Обширна и тематика ваших произведений, что в ней является для вас наиболее важным?

— Главным в жизни моего поколения была война, которой я и посвятил наиболее значительные произведения. Это прежде всего многофигурная бронзовая композиция "Реквием. 1941 год. Моим одноклассникам, погибшим на войне". Она была выполнена в 1971 году и установлена у моей школы. Я отобразил друзей, товарищей, которые вместе со мной ушли на фронт и не вернулись. Создал серию скульптур "Памяти моей тещи Елизаветы Дмитриевны Богушевской". Ее сын, брат моей жены Игорь Богушевский, погиб на фронте. Серия состоит из четырех скульптурных сцен — "Пролог. Ах, война, что ты сделала, подлая!", "Явиться с вещами!", "Погиб смертью храбрых", "Зачислить в списки навечно". В последней части я как бы собрал 9 мая 1983 года одноклассников, оставшихся в живых, вокруг камня, на котором лежали цветы. А над ними словно тенью витала фигура Игоря.

Значительной работой стала "Пietà". Это большая (3,5 метра) фигура женщины, поникшей к земле. Памятник исполнен из дерева.

— Еще какие произведения вы отнесли бы к наиболее существенным в своем творчестве?

— На этот вопрос трудно ответить. Я не отказываюсь ни от одной своей работы. Они мне одинаково дороги. Среди них — и большие монументальные скульптуры, памятники. Например, памятник баснописцу Крылову у Патриарших прудов. Фигуру исполнил Андрей Древин, персонажи басен — мои. Аллегорическая композиция "Русской интеллигенции посвящается" установлена у Сахаровского центра в Москве. Интересна монументальная работа (совместно с Андреем Асерьянцем) — комплекс, созданный из бетонного блока Берлинской стены и символических скульптурных изображений. Он сооружен в Берлине, у бывшего пропускного пункта. Повторение памятника воздвигнуто и в Москве, тоже у Сахаровского центра. Мне выпала скорбная и почетная миссия — снять посмертную маску с лица Андрея Дмитриевича Сахарова.

— Сейчас, по прошествии столь длительного времени, вы считаете

себя скульптором по призванию?

— Вопрос очень серьезный. Я убежден, что искусство — это как бы разнообразные реплики духа Божьего, которым он общается с людьми. Я не религиозный человек, но в какое-то Высшее начало верю. Ведь Бог должен как-то разговаривать с людьми. Это он делает, в частности, и через искусство и литературу. Носителями божественного духа являются и сами творцы, художники, музыканты, литераторы, архитекторы, живописцы. Именно им Бог определил дорогу жизни. Я занимаюсь скульптурой и обожаю ее. Считаю ее божественным откровением.

— Ваше творчество, очевидно, менялось за столь длительное время?

— Конечно. После окончания института я работал робко, натуралистично. Был у меня и период увлечения фотореализмом, когда в своих работах я старался быть предельно точным. Мне помог найти свой образный и пластический язык Крылов. Но начал я с правдоподобных анималистических изображений персонажей басен. Потом понял, что к Крылову они не имеют никакого отношения. И пошел по пути более отвлеченных образных решений. Именно от них нужно было исходить, а не от правильного, предельно верного изображения осла или зайца. Но такой путь предполагал и совершенно иную, обобщенную форму пластического и образного осмысления темы.

Уже в новой, отвлеченной манере я, например, решал скульптуры к теме Библии. Это была серия — около десяти сюжетов. Естественно, они требовали разного стилистического подхода. Одни — реалистического, другие — обобщенного.

Вообще я прихожу к убеждению, что скульптура, к какой бы тематике она ни относилась, должна быть аллегорической. Буквальные, натурные решения оказываются быстротечными.

— Какие формы станковой скульптуры вы предпочитаете?

— В основном — серийные. Первая была посвящена Алтаю, там я побывал в экспедиции. Большая серия рассказывала о "Художниках в работе". Она состояла из портретов друзей, близких мне людей. Была этнографическая серия. Одна из самых значительных — "Репортаж о перестройке". Сейчас работаю над серией "Моя семья. Из семейного фотоальбома".

Отмечу скульптурную группу "Люди". В нее входят около десяти фигур, полуфигур и портретов. Это своего рода памятники, поставленные еще при жизни. Среди "людей" — мои дочь и сын, тоже художники, друзья, знакомые, студенты, ученые. Словом — "Люди".

Сейчас совместно с Александром Семениным работаю над монументальной и многофигурной сложной композицией "Рождение русской армии". В ней изображаю многих исто-

рических деятелей нашего государства. Прежде всего Петра Великого. Станковый вариант этой внушительной работы — вот перед вами. Эта скульптурная группа будет отлита из чугуна на Каслинском заводе.

Как бы для души делаю из дерева "Автопортрет".

— Каково, на ваш взгляд, положение скульптуры в наше время?

— Хуже очень плохого. Раньше скульптор имел за собой своеобразную и надежную "спину". Он всегда знал, что может получить государственный заказ и тем самым обеспечить себе и своей семье необходимый прожиточный минимум. Хотя я и не люблю заказных работ. Помогали и выставочные работы — по две в год. Они, как правило, приобретались Министерством культуры или Союзом художников.

Закупались работы и музеями. Мои произведения находятся в Третьяковской галерее, в других музеях страны, СНГ, в зарубежных собраниях. Сейчас же музеи обеднели.

Неплохо зарабатывают сейчас художники, которые близки к китчу. Их продукцию охотно покупают новорусские дельцы. А тех в основном интересуют "русалки" со всеми их прелестями, которые были бы хорошо видны. Серьезное искусство нынешний художественный рынок не воспринимает.

Я часто слышу о поисках какой-то национальной идеи, которая, дескать, поможет возрождению России. Но почему-то умалчивают о том, что в нашем искусстве исчезла высокая художественная идея, что ее заменяет дешевый суррогат, низкопробный дилетантизм. А это может привести к разрушению и национальной культуры.

— Я помню, в семидесятые годы в Москве проводились острые, злободневные "капустники", на которые собиралась вся Москва. Вы принимали в них активное участие. Тем более, говорят, язык у вас острый, правду-матку рубили, не зная на лица...

— Вот-вот, до сих пор от этого страдаю... Да, действительно, я выступал со смешными, а подчас довольно ершистыми пародиями на многие явления художественной жизни...

— Ваши увлечения?

— Народное искусство. Много лет был заместителем председателя комиссии по народному творчеству Союза художников СССР, которую возглавлял Константин Рождественский. Мы много сделали для возрождения народного творчества. Я в поисках народных мастеров изъездил всю страну — от Клайпеды до Камчатки, от Севера до Таджикистана. Конечно, это отнимало много сил, времени, энергии, но доставляло большое удовлетворение.

Нынешнее мое увлечение? Выращаю цветы на небольшом садовом участке.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН

Д. Митлянский. "Реквием. 1941 год. Моим одноклассникам, погибшим на войне". 1971 г.

Кусты Тира. — 2004. — 2-8 Дек. — с. 10